

ЗВЕЗДЫ

САРУХАНОВ ГОРДИТСЯ ОТСУТСТВИЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

Игорь Саруханов — известный композитор и певец, его старые шлягеры «Маски», «Дорогие мои старики», «Зеленые глаза» и др. до сих пор крутят на школьных дискотеках и распевают на деревенских свадьбах.

— Игорь, говорят, у тебя нет высшего музыкального образования?

— Нет. В десятилетнем возрасте мама отвела меня в музыкальную школу. Она хотела, чтобы я и мой младший брат учились музыке. Тем не менее сейчас он уже все забыл, чему его учили, а я нет.

— Чем же ты занялся после окончания этой школы?

— Мне пророчили большое будущее. Я был «классическим» гитаристом. И когда в школе устраивали вечера музыки, я играл программу третьего-четвертого курса консерватории. Родители меня целый год водили к преподавателю из Гнесинского училища, платили деньги, чтобы точно знать, что на следующий год я туда поступлю. Это был как бы «нулевой» курс. И вдруг я сразу получил по первому предмету двойку. Потом оказалось, что пяти абитуриентам, в число которых вошел и я, «по благу» поставили двойки, чтоб мы зря не теряли времени в Гнесинке, тут

Фото Рефата ЮНИСОВА

Если учителя г-на Саруханова вдохновляли цветы, то его ученика — скрипка-лиса. Ни зоологи, ни музыковеды слыхом не слыхивали о таком мутанте.

же забрали бы оттуда документы и бежали поступать в другое музыкальное училище, чего я, конечно, не сделал, потому что охоту учиться дальше у меня отбили напрочь. Поступили те, кто дал взятку. Но я ни о чем не жалею. После того «провала» я занялся самообразованием. Оставив классическую гитару, стал заниматься рок- и поп-музыкой, стал самостоятельно выпиливать гитары. И даже зарабатывать на этом. Меня чуть не выгнали из школы — из-за того, что зарабатывал.

— Выходит, высшее образование тебе оказалось как-то ни к чему?

— В моей музыкальной жизни у меня никогда не возникало из-за этого проблем. Я сообразил, что мне надо побыстрее отвя-

заться от такого бремени, как армия. Окончательно отделаться от нее не мог, поскольку в психушку ложиться не хотел. И тогда, опять же благодаря моей маме, я попал служить в ансамбль песни и пляски Московского военного округа. Там служили Лев Лещенко, Владимир Винокур и Игорь Николаев. Кстати, нынешний директор Концертного зала «Россия» не кто иной, как мой старшина. Вместе со мной служил и музыкант из ансамбля Стаса Намина. Стас часто приезжал к нам в часть, чтоб отпросить своего кореша на день-два на время концерта.

— И, само собой, Намин не мог не заметить тебя и пригласил после окончания службы к себе, так?

— Ну конечно. Как раз у него ушел гитарист. Я попал, как мне казалось тогда, в самую гениальную группу. Намин был бешено популярен. Я не помню, чтобы в зале, где мы выступали, было хоть одно свободное место. Я благодарен Стасу за то, что он научил меня правильно стоять на сцене. Он был моим Станиславским. Он учил меня смотреть в зал так, чтобы у зрителей от одного моего взгляда уже поднималось настроение. Учиться приходилось прямо на сцене. Намин сидел во время репетиций в пер-

вом ряду, и с каждым днем улыбка на его лице становилась все шире и шире. Однажды он сказал, обращаясь к другим музыкантам и показывая на меня: «Учитесь делать, как он».

— Хотел бы ты сейчас вернуться к Стасу Намину?

— Конечно, нет. Десять лет я работаю самостоятельно. Уже привык к этому.

— Но если бы ты все же захотел, взял бы он тебя?

— Нет. Потому что рядом стоять два имени на одной сцене не могут.

— После какой песни о тебе заговорили, не просто как о гитаристе, а как о композиторе и певце?

— В 1984 году, после того, как на музыкальном фестивале в Сопоте моя песня «Крутой поворот» заняла первое место. Спела ее Анне Вески, а я был объявлен как автор.

— Как возникла песня «Дорогие мои старики»?

— У меня было минорное настроение — из-за того, что мой отец попал в больницу с сердцем. Тогда на глаза попался текст Симона Осиашвили. Я написал к нему мелодию.

— Чем занимался отец?

— Проблемами питания в космосе.

— У вас была дружная семья?

— Образцово-показательная. — Что ты делаешь для того, чтобы чуть ли не каждый день на экране появлялся твой клип «Скрипка-лиса»?

— Это необязательно знать, как и то, сколько получает артист. Хотя Стас Садальский считает, что все должны знать, сколько зарабатывает артист. Или ему мало того, что практически всех артистов успели обокрасть или ограбить, а то и по несколько раз. Никто же не знает, сколько стоит гитара или костюм для выступления. Как ты считаешь, известный артист должен ездить на метро? Он, конечно, может ездить на метро, но ведь там он не пройдет и шаг. Когда я попадаю в метро, у меня складывается ощущение, что я голый и все на меня смотрят. Любый нормальный человек от этого сойдет с ума. Есть такое представление у людей: «Ой, как мне хотелось бы, чтобы меня узнавали». Но это на два-три дня. Я езжу на своей собственной машине и на светофоре надеваю очки. Ты не представляешь, когда из двух-трех «мерседесов» вдруг высовываются шесть-семь человек. И ты не знаешь, почему они на тебя смотрят — хотят забрать машину или просто поглазеть на тебя.

Анна ФУРТИЧЕВА